

The Institute Of The Jury Court: Comparative Analysis Of Effective Practices

Khudaybergenov Baxram Kuanishbaevich

Associate professor of the sector

"Criminal-procedural law" of TSUL, PhD in law

ORCID: 1D 0000-0002-0173-5442

e-mail: xudaybergenovbaxram550@gmail.com

ABSTRACT

This article discusses the current issues of implementing the institution of jury trials in national criminal procedure law, taking into account the best foreign practices. The institution of jury trials is one of the forms of implementing the principle of public participation in criminal proceedings. The presence of this institution is aimed at ensuring transparency in judicial proceedings and criminal justice.

ARTICLE INFO

Received: 26th March 2026

Accepted: 24th April, 2026

KEY WORDS:

Criminal proceedings, legal instruments, intersectoral regulation, current issues in criminal proceedings, general norms, public participation, and jury trials.

Институт Суда Присяжных: Сравнительный Анализ Эффективной Практики

Худайбергенов Бахрам Куанышбаевич

доцент сектора «Уголовно-

процессуальное право» ТГЮУ, д.ф.ю.н.

ORCID: 1D 0000-0002-0173-5442

e-mail: xudaybergenovbaxram550@gmail.com

Аннотация: В данной статье рассматриваются актуальные проблемы имплементации в национальное уголовно-процессуальное право института судов присяжных с учётом предовой зарубежной практики. Институт судов присяжных является одним из форм реализации принципа участия общественности в уголовном процессе. Наличие данного института направлена на обеспечение прозрачности судебного делопроизводства и уголовного правосудия.

Ключевые слова: уголовный процесс, правовые инструменты, межотраслевое регулирование, актуальные проблемы уголовного процесса, бланкетные нормы, участие общественности, суды присяжные.

Институт суда присяжных в современной юридической доктрине обоснованно квалифицируется как одна из наиболее зримых форм воплощения принципов народовластия, состязательности и непосредственности в системе уголовной юстиции. В условиях системной модернизации правовой системы Республики Узбекистан, ориентированной на построение полноценного правового государства и обеспечение верховенства закона, обращение к компаративистскому анализу зарубежных моделей участия народных представителей в отправлении правосудия приобретает особую теоретическую и прикладную значимость. Стратегия «Узбекистан — 2030», утверждённая Указом Президента Республики Узбекистан от 11 сентября 2023 г. № УП-158, прямо предусматривает дальнейшее углубление судебно-правовой реформы, включая укрепление независимости судебной власти и расширение форм общественного контроля за правосудием¹. Логическим продолжением данных реформ является принятие Указа Президента Республики Узбекистан «О программах реформ по приоритетным направлениям и Государственной программе по реализации Стратегии «Узбекистан — 2030» в «Год развития махалли и всего общества» где в качестве основных задач определено «внедрение практики рассмотрения особо тяжких преступлений в суде с участием суда присяжных, состоящей из представителей общественности»².

Актуальность настоящего исследования обусловлена тремя взаимосвязанными факторами. Во-первых, нарастающим запросом общества на демократизацию уголовного судопроизводства и снижение чрезмерной обвинительной направленности судебной деятельности. Во-вторых, необходимостью имплементации международных стандартов справедливого судебного разбирательства, закреплённых в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.³ и развитых в практике Комитета ООН по правам человека. В-третьих, активной дискуссией в национальной юридической науке относительно целесообразности и форм возможного внедрения суда присяжных, инициированной в том числе после принятия новой редакции Конституции Республики Узбекистан в 2023 г.⁴.

Цель работы заключается в выявлении сравнительно-правовых закономерностей функционирования института суда присяжных в государствах различных правовых семей и обосновании предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства Республики Узбекистан в части возможной рецепции данного института. В соответствии с поставленной целью разрешаются задачи теоретико-исторического, компаративистского и нормотворческого характера. Методологическую основу исследования образуют диалектический, формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой и статистический методы научного познания.

Зарождение института суда присяжных принято связывать с Кларендонской ассизой 1166 г., изданной королём Англии Генрихом II, в результате которой обвинительное жюри (*grand jury*) трансформировалось в форму общинного контроля над уголовным преследованием⁵. Впоследствии, в XIV–XV вв., в английском общем праве оформилось *petty jury* — коллегия из двенадцати присяжных, разрешающая вопросы факта по существу обвинения. Французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г. и последующее законодательство революционного периода положили начало континентальной рецепции института: законом от 16–29 сентября 1791 г. *cour d'assises* был учреждён в качестве форума, сочетающего элементы профессионального и народного судейства⁶.

¹ Указ Президента Республики Узбекистан от 11 сентября 2023 г. № УП-158 «О Стратегии "Узбекистан — 2030"» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – 2023. – № 06/23/158.

² Указ Президента Республики Узбекистан, от 16.02.2026 г. № УП-22 / <https://lex.uz/docs/8050793>

³ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. – Вып. XXXII. – М., 1978. – С. 36–58.

⁴ Конституция Республики Узбекистан (в редакции Закона от 8 мая 2023 г.) // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – 2023. – № 03/23/837.

⁵ Hostettler J. *The Criminal Jury Old and New: Jury Power from Early Times to the Present Day*. – Winchester: Waterside Press, 2004. – P. 18–24.

⁶ Donovan J. M. *Juries and the Transformation of Criminal Justice in France in the Nineteenth and Twentieth Centuries*. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2010. – P. 12–15.

Российская империя восприняла институт в ходе Судебной реформы 1864 г., причём, как справедливо отмечал И. Я. Фойницкий, именно суд присяжных стал «знаменем реформы», обеспечившим переход от инквизиционной к состязательной модели судопроизводства⁷. Советский период ознаменовался отказом от данной формы в пользу института народных заседателей, концептуально отличного от классического жюри. Возрождение суда присяжных в постсоветских юрисдикциях началось с принятия Закона Российской Федерации от 16 июля 1993 г.; в дальнейшем — с принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. и аналогичных актов в Казахстане (2006 г.) и Грузии (2009 г.).

Современная сравнительно-правовая наука, развивая концепции Р. Давида, К. Цвайгерта, Х. Кётца и Дж. Хазарда, выделяет три основные модели участия непрофессиональных судей в уголовном процессе: классическое жюри (*jury proper*), смешанная коллегия (*mixed bench*) и институт народных заседателей советского образца⁸. Принципиальное различие между ними заключается в характере взаимоотношений между профессиональным и непрофессиональным элементами правосудия: в классической модели жюри функционально изолировано от судьи и единолично разрешает вопрос виновности (вопрос факта), тогда как в смешанной модели обе категории заседают совместно, разрешая фактические и правовые вопросы единой коллегией.

Институт суда присяжных представляет собой не унифицированную, а типологически разнообразную правовую конструкцию, имплементация которой требует учёта историко-культурных, правовых и социально-экономических детерминант принимающей юрисдикции. Сведение всего многообразия к единой «эталонной» модели методологически некорректно и ведёт к воспроизводству неэффективных нормативных решений.

В США право обвиняемого на суд присяжных конституционно гарантировано Шестой поправкой к Конституции и распространяется на все уголовные дела, по которым возможное наказание превышает шесть месяцев лишения свободы (*Baldwin v. New York*, 399 U.S. 66 (1970))⁹. Жюри состоит, как правило, из двенадцати присяжных; вердикт о виновности в федеральных судах должен быть единогласным, а в судах штатов после решения *Ramos v. Louisiana* (2020) единогласие также является конституционным требованием по делам о тяжких преступлениях¹⁰. В Соединённом Королевстве *Crown Court* рассматривает с участием жюри только наиболее тяжкие категории дел (*indictable offences*); по данным Министерства юстиции Великобритании, в 2023 г. доля оправдательных вердиктов жюри составила около 36%, что более чем на порядок превосходит соответствующий показатель континентальных юрисдикций¹¹.

Эмпирические исследования Г. Калвена и Г. Цайзеля, проведённые в рамках проекта «Чикагского жюри», убедительно продемонстрировали, что профессиональный судья и присяжные совпадают в оценке виновности приблизительно в 78% случаев, а расхождения преимущественно связаны не с правовой квалификацией, а с интерпретацией доказательственного материала и нравственно-ценностной оценкой деяния¹². Эти данные опровергают распространённый аргумент о якобы низкой компетентности непрофессиональных судей и одновременно демонстрируют существенный потенциал института в части корректировки структурного обвинительного уклона.

Во Французской Республике в результате реформы 2011–2012 гг. *cour d'assises* рассматривает дела о преступлениях (*crimes*) в составе трёх профессиональных судей и шести (в апелляции — девяти) присяжных, заседающих совместно; для постановления обвинительного приговора требуется квалифицированное большинство¹³. Отличительной особенностью является обязательность

⁷ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. – Directmedia, 2014.

⁸ Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: пер. с нем. – Междунар. отношения, 1998.

⁹ *Baldwin v. New York*, 399 U.S. 66 (1970).

¹⁰ *Ramos v. Louisiana*, 590 U.S. 83 (2020).

¹¹ Ministry of Justice (UK). Criminal Court Statistics Quarterly: October to December 2023. – London, 2024. – P. 14.

¹² Kalven H., Zeisel H. The American Jury. – Boston: Little, Brown & Co., 1966. – P. 55–62.

¹³ Loi n 2011-939 du 10 août 2011 sur la participation des citoyens au fonctionnement de la justice pénale et le jugement des mineurs // Journal officiel de la République française. – 2011. – № 186.

мотивированного решения (*feuille de motivation*), введённая после решения Европейского суда по правам человека по делу *Taxquet v. Belgium* (2010), которым было установлено, что отсутствие мотивированного вердикта при определённых условиях нарушает статью 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁴.

Германская модель *Schöffengericht* структурно представляет собой коллегия из одного-трёх профессиональных судей и двух заседателей-шеффенов, обладающих равным с судьёй правом голоса при разрешении как фактических, так и правовых вопросов; критики, в частности К. Роксин, указывают на доминирование профессионального судьи в фактической дискуссии и относительную пассивность шеффенов, что снижает реальную, а не формальную, роль народного элемента¹⁵.

Испанская модель, восстановленная Органическим законом от 22 мая 1995 г. № 5/1995, ориентирована на англо-американский тип, однако ограничена закрытым перечнем преступлений (умышленное убийство, угрозы, должностные преступления и др.). Социологические исследования Р. Хименеса Асенсио фиксируют рост общественного доверия к правосудию в регионах, где жюри функционирует регулярно, что коррелирует с повышением уровня правосознания¹⁶.

В РФ после реформы Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ компетенция судов с участием присяжных заседателей была расширена на районный (городской) уровень; коллегия в районных судах формируется из шести присяжных, в судах областного уровня — из восьми. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2023 г. доля оправдательных вердиктов присяжных составила 21,4% при сохранении общего оправдательного показателя в системе на уровне 0,3%¹⁷. Указанная диспропорция выступает наиболее наглядным эмпирическим аргументом в пользу гипотезы о структурном обвинительном уклоне профессиональной юстиции и одновременно ставит вопрос о причинах такого расхождения, не сводимых к простому различию в компетентности.

Республика Казахстан с принятием Закона от 16 января 2006 г. «О присяжных заседателях» имплементировала смешанную модель: коллегия включает двух профессиональных судей и десять присяжных, заседающих совместно. Данные Верховного Суда Республики Казахстан свидетельствуют, что за период 2018–2023 гг. оправдательные вердикты выносились в 8,6% случаев¹⁸, что заметно ниже англосаксонских показателей, но существенно превосходит общий оправдательный уровень в стране. Грузия в 2010 г. ввела классическую модель из двенадцати присяжных по ограниченной категории дел (умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах и др.); особенностью является широкое применение *voir dire*, что отражает стремление к рецепции американского процедурного стандарта¹⁹.

Сопоставление статистико-эмпирических данных позволяет констатировать, что классические модели жюри обеспечивают наиболее существенное расширение оправдательной составляющей правосудия, тогда как смешанные модели демонстрируют умеренные показатели. Данная закономерность принципиальна для выбора оптимальной формы рецепции в конкретной национальной юрисдикции и должна рассматриваться в системной связи с уровнем правовой культуры населения, инфраструктурными возможностями и сложившимися процессуальными традициями.

Конституция Республики Узбекистан в редакции 2023 г. в статье 28 закрепляет принцип презумпции невиновности, в статье 29 — право на квалифицированную юридическую помощь, а в

¹⁴ *Taxquet v. Belgium* [GC], no. 926/05, ECHR, Judgment of 16 November 2010.

¹⁵ Roxin C., Schünemann B. *Strafverfahrensrecht*. 30. Aufl. – München: C. H. Beck, 2022. – S. 41–43.

¹⁶ Jiménez Asensio R. *El Tribunal del Jurado: balance de dos décadas de aplicación* // *Revista de Derecho Procesal*. – 2018. – № 2. – P. 215–238.

¹⁷ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 году. – М.: Судебный департамент при Верховном Суде РФ, 2024. – С. 22–24.

¹⁸ Статистический отчёт о деятельности судов Республики Казахстан за 2023 год. – Астана: Верховный Суд РК, 2024. – С. 31.

¹⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 г., гл. XXX «Производство в суде с участием присяжных заседателей» // *Законодательный вестник Грузии*. – 2009. – № 31; вступил в силу с 1 октября 2010 г.

статье 130 устанавливает, что правосудие в Республике Узбекистан осуществляется только судом²⁰. Прямого упоминания института присяжных Основной Закон не содержит, что, однако, не исключает возможности его последующего законодательного учреждения, поскольку конституционная норма формулирует исключительность судебной формы защиты прав, не определяя жёстко её организационно-процессуальный субстрат.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан не предусматривает рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей. Проведённый сравнительно-правовой анализ позволяет выделить четыре концептуальные проблемы возможной имплементации института суда присяжных в Республике Узбекистан.

Действующее уголовное законодательство Узбекистана не содержит чёткого перечня преступлений, по которым традиционно рассматриваются дела с участием жюри. С учётом постсоветского опыта представляется обоснованным ограничить компетенцию суда присяжных делами об особо тяжких преступлениях против личности (статьи 97, 135 Уголовного кодекса Республики Узбекистан), а также об отдельных коррупционных составах с альтернативной санкцией свыше десяти лет лишения свободы.

Создание полноценной системы отбора кандидатов в присяжные требует формирования национальной базы данных избирателей, интегрированной с реестром лиц, имеющих ограничения для участия в правосудии (судимость, психические расстройства, занятие определённых должностей), что в свою очередь предполагает межведомственное взаимодействие Министерства юстиции и Верховного Суда.

Действующая редакция УПК Республики Узбекистан не содержит дифференцированных правил допустимости доказательств применительно к процессу с участием непрофессиональных судей. Между тем именно специальные правила об исключении недопустимых доказательств в присутствии жюри выступают необходимым процессуальным компонентом обеспечения объективности вердикта и защиты от так называемого «эффекта засорения сознания» (*juror contamination*).

Опыт Грузии и Российской Федерации свидетельствует о настоятельной необходимости разработки норм об уголовной ответственности за противоправное воздействие на присяжных, а также о специальных мерах их физической безопасности и анонимности на досудебной стадии формирования коллегии.

На основании изложенного предлагается следующий комплекс нормотворческих и организационных мер:

1. Дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан самостоятельным разделом «Производство в суде с участием присяжных заседателей», определяющим подсудность, процедуру формирования коллегии, правила доказывания, порядок постановки вопросов и вынесения вердикта.

2. Закрепить в качестве переходной модели смешанную коллегию (один-два профессиональных судьи и шесть-восемь присяжных) с поэтапным расширением компетенции после пятилетнего пилотного периода в трёх-четырёх регионах.

3. Предусмотреть законодательное требование мотивированности коллегиального решения по образцу французской *feuille de motivation*, что обеспечит совместимость национальной модели со стандартами статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

4. Установить уголовно-правовой запрет противоправного воздействия на присяжных заседателей.

5. Ввести обязательный модуль подготовки кандидатов в присяжные при центрах общественного правового просвещения, действующих под эгидой Министерства юстиции, что будет способствовать преодолению дефицита правовой культуры — одного из ключевых аргументов скептиков рецепции.

²⁰ Конституция Республики Узбекистан в редакции Закона от 8 мая 2023 г.: ст. 26, 27, 132.

Сравнительно-правовое исследование института суда присяжных подтверждает его многомерность как правовой конструкции и неоднозначность результатов рецепции в различных юрисдикциях. Установленные эмпирические закономерности — в частности, существенное превышение оправдательной составляющей в модели классического жюри над аналогичным показателем профессиональной юстиции — позволяют квалифицировать данный институт в качестве действенного инструмента противодействия структурному обвинительному уклону. Вместе с тем эффективность института напрямую коррелирует с правовой культурой, инфраструктурной готовностью и конституционной архитектурой принимающей юрисдикции, что исключает возможность прямого, без адаптации, заимствования иностранной модели.

Применительно к Республике Узбекистан целесообразной представляется поэтапная имплементация смешанной модели как наиболее адаптивной к континентальной правовой традиции и существующей кадрово-инфраструктурной базе, с возможным последующим расширением до элементов классической модели. Предложенный комплекс мер позволит обеспечить совместимость национального уголовно-процессуального права с международными стандартами справедливого судебного разбирательства и реализовать стратегические задачи судебно-правовой реформы. Дальнейшие изыскания целесообразно сосредоточить на эмпирической оценке готовности судебной системы и общества к указанной рецепции.

Список использованной литературы:

1. Hostettler J. *The Criminal Jury Old and New: Jury Power from Early Times to the Present Day*. – Winchester: Waterside Press, 2004. – P. 18–24.
2. Donovan J. M. *Juries and the Transformation of Criminal Justice in France in the Nineteenth and Twentieth Centuries*. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2010. – P. 12–15.
3. Фойницкий И. Я. *Курс уголовного судопроизводства*. – Directmedia, 2014.
4. Цвайгерт К., Кётц Х. *Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: пер. с нем.* – Междунар. отношения, 1998.
5. *Baldwin v. New York*, 399 U.S. 66 (1970).
6. *Ramos v. Louisiana*, 590 U.S. 83 (2020).
7. Ministry of Justice (UK). *Criminal Court Statistics Quarterly: October to December 2023*. – London, 2024. – P. 14.
8. Kalven H., Zeisel H. *The American Jury*. – Boston: Little, Brown & Co., 1966. – P. 55–62.
9. *Loi n 2011-939 du 10 août 2011 sur la participation des citoyens au fonctionnement de la justice pénale et le jugement des mineurs* // *Journal officiel de la République française*. – 2011. – № 186.
10. *Taxquet v. Belgium* [GC], no. 926/05, ECHR, Judgment of 16 November 2010.
11. Roxin C., Schünemann B. *Strafverfahrensrecht*. 30. Aufl. – München: C. H. Beck, 2022. – S. 41–43.
12. Jiménez Asensio R. *El Tribunal del Jurado: balance de dos décadas de aplicación* // *Revista de Derecho Procesal*. – 2018. – № 2. – P. 215–238.
13. *Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 году*. – М.: Судебный департамент при Верховном Суде РФ, 2024. – С. 22–24.
14. *Статистический отчет о деятельности судов Республики Казахстан за 2023 год*. – Астана: Верховный Суд РК, 2024. – С. 31.
15. *Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 г., гл. XXX «Производство в суде с участием присяжных заседателей»* // *Законодательный вестник Грузии*. – 2009. – № 31; вступил в силу с 1 октября 2010 г.